

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ АДЫГОВ И ОСЕТИН

Е. Б. БЕСОЛОВА,
доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
СОИГСИ им. В. И. АБАЕВА
И. М. БАЛОВА,
доктор филологических наук, профессор
КБГУ им. Х. М. БЕРБЕКОВА

Восприятие цвета – явление во многом субъективное и зависит от многих индивидуальных психофизических особенностей человека. Наряду с этим существует и интерсубъективное отношение к различным цветам, и в таком случае можно говорить о *символике цвета*.

Способность цвета выступать в качестве символа связана с сознанием и ощущениями человека. У истоков культуры цвет был равноценен слову, т.е. служил символом различных вещей и понятий. Наиболее устойчивыми цветовыми символами оказались самые простые, т.е. основные, цвета.

Первоначально индоевропейцы считали основными только три краски; это белая (символ неба как потустороннего мира, по которому путешествуют души умерших), чёрная (символ Преисподней), красная (символ божества, жизни, силы, очищения). Мистическая

символика краски, предполагалось, возникла на основе хроматических оттенков горящего огня: краска соотносилась с огнём и была символом божества, использовалась как органическая часть сакрального действия, обладала волшебными свойствами, порождёнными Божеством [1, 148].

Исследователи отмечают, что роль цветовой символики в обществе пропорциональна доле мифологизма в его мышлении. По мере возрастания доли рационализма убывает, естественно, и роль символики.

Цветовая символика занимает важное место в традиционной культуре. Символика цвета, тесно связанная с религиозно-мифологическими представлениями и древней моделью мира, особенно ярко бывает отражена в языке устно-поэтических произведений, несущих глубокую информацию о культурной традиции народов. В образных

средствах языка культурно значимая информация выражена в коннотативном аспекте семантики и играет важную роль в построении значения при участии языковых средств.

Восприятие цвета носит и ярко выраженный национальный характер, который определяется историей, бытом, спецификой восприятия окружающей действительности, природной и культурной среды, психологией, эстетическими представлениями и нравами этноса, в частности, и осетин, и кабардинцев. Проиллюстрируем данный факт осетинскими проклятиями с определением *чёрный* (цветом *сау*):

Сау бон дыл ныккаенад «чтоб наступил для тебя *чёрный день*» (т.е. «чтобы несчастье пришло в твой дом»); *да бындур сау зылд ныккаенад* «чтобы основание твоего дома *по-чёрному* завертелось, или чтоб твой дом был *по-чёрному* разрушен» (т.е. «чтоб ты погиб вконец»); *да арты бынаей сау туг скалад* «чтобы на дне твоего очага выступила *чёрная* кровь» (т.е. «чтобы очаг твой потух»); *да сау уæрдон дын æрбатулаент* «чтобы прикатали твою *чёрную* (траурную) арбу» [2, 69]. Наличие в осетинском языке большого числа формул, выражающих различные проклятия, в состав которых входит цвет *сау* «чёрный», М.И.Исаев объясняет тяжёлыми условиями, в которых жили осетины раньше: «Самый незначительный ущерб, нанесённый небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили...

В проклятиях обычно призывают небесные силы или силы природы нанести ущерб кому-нибудь или чему-нибудь» [3, 44-45].

Цвет *сау* «чёрный» в осетинском языке служит лексической номинацией отрицательных эмоций и различных негативных явлений, ср.: *саубон* «беда; несчастье» (букв. «чёрный день»); *саумарой* «горе»; *сауæрда* «скрытный; коварный» (букв. «чёрное сердце»), отрицательных качеств и признаков, в частности пренебрежительное отношение к простому человеку, ср. *саулаг* человек низшего сословия; *сауыстаг* простолюдин; *саухъус мамысон*, а также позитивных качеств и признаков: *саураеугъд* «красавица», *саучызг* «смуглянка», *саунамыг* «черника», *саустъæлф* «родинка» [4].

Существующее устройство цветообозначения – понятия, слова и связи между ними – создаёт основу для различий в культурах, а культура – это мир смыслов [5, 57-59]. Цвета – это также смыслы, причём смыслы особого языка – языка цвета. По В.В.Налимову, человек обладает цветовым языком, ментальным по своей природе, и наряду с музыкальным сознанием вполне допускается сознание цветное [6, 52]. Предметы сами по себе бесцветны. Настоящее положение некоторыми учёными дополняется тезисом: предметы окрашены культурой, причём процесс окрашивания длился чрезвычайно медленно, потому что цвета не сразу открылись людям. Вначале появились базовые цветообозначения, причём сам порядок их появления в языках – тоже своеобразная универсалия [7]. История каждого цветообозначения определяется разными факторами, среди которых, безусловно, находится и фактор этнической склонности к цветам, и набор пигментных генов.

Цветовая символика в качестве одного из существенных элементов би-

нарной классификации органически входит в поэтику фольклора. Символика цвета, ее бинарные противопоставления в какой-то мере отражают древние дуалистические представления о мире и его социальной организации.

Существует обширная литература, посвященная цветообозначению в языках разных систем, принципы цветового выражения в которых специфичны. Как отмечает А.Вежбицкая, «во всех культурах для людей важно зрительное восприятие и важно описание того, что они видят, но они не обязательно имеют специальный термин «цвет» как отдельное обозначение одной из сторон их зрительного опыта. Все языки имеют слово для понятия видеть, но не обязательно имеют слово для «цвета». Из того, что нам известно о «видении» в различных культурах, мы можем заключить, что в большинстве культур употребление терминов, обозначающих «видение», сильно контекстно обусловлено, и зрительное восприятие описывается как сложное и интегральное, включая цвет, форму, фактуру и многие другие признаки, которые рассматриваются как неделимое целое» [8, 232]. Получается, что универсальным человеческим понятием является «видение». Однако и поиски «цветовых универсалий» оказались плодотворными для узнавания «видения». «В этой связи, – пишет З.Бижева, – уникальным представляется адыгский концепт *плъыфэ*. «Видение цвета» – так можно перевести не зафиксированный в словарях концепт. Или: «как видится (смотрится) цвет». Таким образом, в одном слове, внутренняя форма которого для современного носителя языка «стерта», выражается взаимосвязь уни-

версального понятия «видеть» и цветовой универсалии» [9, 22].

Универсально также различие между ночью (*темное* время) и днем (*светлое* время), видимо, поэтому в большинстве языков мира существенную роль играет различие между «темными» и «светлыми» цветами. С типологической точки зрения показательно, что в цветовой символике нартовского эпоса, например, доминирующими, наиболее значимыми, являются *белый, черный, красный* цвета. Универсальная цветовая триада «белый – черный – красный» широко представлена как в осетинской, так и в адыгской эпической традиции.

У большинства народов отношение к белому и черному цвету сходно. И это нетрудно понять: как уже отмечалось, белый цвет – цвет дня, черный – ночи. Отсюда и связь белого цвета с добром, а черного – со злом.

Сравним в кабардинском языке: *кIыфI* (тёмный, лишенный света) – *фIыцIэ* (чёрный, темный – о цвете). Концептуальные ситуации их явной ассоциативной связи выражены в обозначении оттенков цветов с частью «тёмно-», которая в кабардинском языке передается концептом «*фIыцIафэ*» (букв.: чёрного цвета).

В осетинском: *талынг, тар; майдар* (букв. тёмный, лишённый света) – *сау, сау бон, саудалынг* (букв. чёрный – о цвете, тёмный, лишённый света).

Ассоциативная связь между белым и хорошей видимостью подтверждается в кабардинском языке следующими словами: белый – *хужь* – светлый (о цвете) – *сырыху* (свет) – *нэху* (источник освещения). В осетинском языке: белый – *урс*, светлый (о цвете) – *ирд (ирдцъар, ирдбуар), райдаст*, свет – *рухс*, источ-

ник освещения – *рухсгæнæн*, *рухсгæнæг* (светило), *рухсдæттæг*. О «световом» значении прилагательного *белый* свидетельствует выражение *средь бела дня*.

Указанное соотношение членов семантической оппозиции «белый – чёрный» имеет широкие типологические аналогии в цветовой символике у самых различных народов. Соотнесение белого с благом, черного со злом – наиболее универсальный признак цветовой символики. В соответствии с этим белое позитивно, а черное негативно. Функциональная значимость чёрного и белого цветов, их стилистическая двуплановость в поэтике понятна, потому что цвет – «ещё одна ступень к постижению своеобразия творчества поэта, его самобытности. Он становится и одной из форм художественного познания и идейно-эстетического отражения действительности» [10].

Антонимия чёрного и белого цветов есть основа для создания индивидуального, авторского антонима – словесного образа, глубокого по своему содержанию и яркого, оригинального по своей внутренней форме. Символика чёрного и белого цветов обусловлена реальным миром; это есть один из способов активного критического вторжения в действительность и осмысление её с позиций гражданственности.

Проблема использования художественной условности в поэтике вполне оправдана, т.к. способствует выражению предельно лаконично и убедительно сущности реальных исторических событий и фактов. Как видим, художественный символ – это «не простой, безразличный знак, а некий знак, который уже в своей внешней форме включает в себе, вместе с тем, содержание того представления, которое он

символизирует. Но, в то же время, он должен вызывать в нашем сознании не самого себя как данный конкретный единичный предмет, а именно лишь то всеобщее качество, которое разумеется в его значении» [11, 14]. К примеру, цвета чёрный и белый, их контрастность используется осетинским поэтом Нигером (И.Джанаевым) в дореволюционном творчестве в качестве полярных граней антитезы. Каждый из этих цветов в палитре Нигера имеет свой основной признак качества, свою символическую доминанту, что даёт их безусловную контекстуальную многозначность [12]. Полисемия белого цвета объёмна: это – *урс цъуипп* белая вершина; *урс цъити* белый ледник; *урс миттæ* белые снега; *урс сæр* белая голова; *урс фосы дзуг* стадо белых животных; *урс æхсыр* белое молоко; *урс уæрыкк* белый ягнёнок – грани одного символа, который вбирает в себя такие свойства, как чистота, благородство, радость, величие, торжественность и нежность. Но в то же время, белый цвет нужен поэту для передачи оттенков качества предмета, для характеристики героя, для передачи отчётливого смысла социальной обречённости, в описании одежды, в качестве реалии, в пейзажных зарисовках, в раскрытии символа новой радостной жизни, для передачи сложной гаммы чувств лирического героя. Это и постоянные, закреплённые за словесным знаком, образы – образы чистоты, преклонения и идеала (*урс сæр* седая голова).

В то же время, основная тональность дореволюционного творчества Нигера подчёркнуто мрачна: в первом томе трёхтомника белый цвет семантически анемичнее и явно уступает перед смысловым напором чёрного – мы на-

считали в нём 129 употреблений чёрного цвета. Если учесть, что Нигер был певцом обездоленных горцев, безрадостная жизнь которых раздираала его сердце, то это вполне закономерно.

Чёрный цвет используется поэтом как в основном, номинативном значении, так и в метафорах и фразеологизмах. В оформлении символического образа особую роль играют *принцип повторяемости*, дающий систему сквозных образов, и *противопоставленность* белому цвету. Чёрным передаются обречённость, мучительность, безнадежность, безысходная печаль, неуютность, беспомощность, пессимизм.

У Нигера сведение двух цветов, переплетение противоположностей – тьмы и света, зла и добра, – заканчивается новой радостной жизнью, новым настроением поэта, добром.

В осетиноведении и кавказоведении лингвокологистика на сегодня слабо изучена, в то время как концепция лингвистики цвета как самостоятельной научной парадигмы в современном языкознании приобретает всё более конкретные черты [13, 441].

Сопоставление цветообозначений в разных языках позволяет выявить специфику национального мировидения. В этом аспекте тексты малых жанров представляют несомненный интерес. К примеру, цветообозначения, в особенности в паремиях различных языков, как средства вторичной номинации подвержены процессу переосмысления.

Из представленного ниже материала видна выраженность противопоставленности белого и чёрного цвета в русских, кабардинских и осетинских паремиях:

Белая денга про чёрный день.

Рубаха чёрна, да совесть бела.

Чёрного кобеля не отмоешь добела.

Работа чёрна, да денежка бела.

Белое – венчальное, чёрное – печальное.

Къуаргърэ пэт, и шырым «хужь цIыкIукIэ» йоджэ; букв. Даже ворон называет птенца «беленьким».

ЖъакIэр хужь хъумэ, фIыцIэ хъужыркъым; букв. Если борода станет белой, чёрной уже не будет.

Сау хохæй урс дур нæ хауы; с Чёрной горы белый камень не падает.

Йæ куыст урс, йæхæдæг – сау; букв. Сама чёрная, а продукт из неё белый.

Сæгæй саудæр, мигъæй урсдæр; букв. Чернее сажи, белее тучи.

Таким образом, белый цвет в примерах рассматривается, прежде всего, в отношении к чёрному цвету, но иногда и отдельно. В ряде пословиц слово *белый* сохраняет свое «цветовое» значение (*У пахаря рука чёрна, да хлеб бел; Прилетели белые мухи*), но далеко не всегда. В некоторых пословицах речь идет как будто о цвете, но на самом деле это слово несет *положительную* оценку (*У кого лицо бело, тот и дает смело*).

С точки зрения древнерусской, древнеосетинской и древнекабардинской эстетики *белое лицо, белые руки, белое тело* являлись неперменным атрибутом человеческой красоты.

Ср. кабардинский язык, в котором прилагательное *хужь* – белый – имеет такое же значение. У благородного человека с чистой совестью – «белое лицо»:

Зи псалъэр нахуэм и напэр хужьци; букв. У кого правдивые слова, у того и лицо белое, т.е. правдивый человек, порядочный.

В этом же значении употребляется осетинское определение *сыгъдаг*: *сыгъдаг уд* – чистая душа, *сыгъдаг зардаг* – букв. чистое, святое, праведное сердце, т.е. порядочный чистый человек.

Положительную коннотацию имеет и оборот *белый свет* (осетин. *рухс дуне*, кабард. *дуней нэху*):

Белый свет не околица, а пустая речь не половица;

Белый свет на волю дан.

Такое значение имеется и в ряде ФЕ: *белая изба; белая баня, белая работа*, однако в них это связано не с моральной чистотой, а с физической.

Ряд русских пословиц со словом *белый* обнаруживает отрицательное значение:

Слово бело, да дело черно.

Бела редька, да горька.

Черная собака, белая собака, а все один пес.

Вскоре и белая ворона черна, и чёрная бела.

Ср. также осетин. *Сау куыдз дæр куыдз, æмæ урс куыдз дæр куыдз*, букв. И чёрная собака – собака, и белая собака – собака.

В данных конструкциях лексема *белый* по сути утратила свое символическое значение добра.

Выделяются в русском, осетинском и кабардинском языках паремии, в которых осуждается безделье [14; 15; 16]. Его символом выступает белый цвет: *Белые ручки чужие труды любят; Хоть ручки черны, да работа бела. Гуацэ-хужь и Иэлэхумэц* – Белая княгиня – берегущая руки. Ср. осетин. *Урскъухæн йæ дзыппы* – ницы. У белой руки (белоручки) в кармане – пусто.

Пространственное значение светло-го мира живых (в противопоставлении «тому свету») имеет словосочетание *белый свет* в русских паремиях:

Без правды жить – с бела света бе-жать.

Не мил и белый свет, коль милого нет.

Существует в русском языке немало выражений, как устаревших, так и современных, в которых *чёрный* имеет отрицательную семантику: *чёрный глаз, чёрный день, чёрная биржа, чёрная кошка, чёрная зависть*. В русских паремиях *чёрный* цвет связан с несчастьем, злом:

Чёрный глаз, карий глаз – минуй нас!

Дела, как сажа, черны.

Береги денежку про чёрный день.

Глаз чёрный, взгляд божий, обычай волчий.

Ср.: также осетин. *Сау бон дыл ныккæнæд*. – *Чтобы несчастье постигло тебя*, букв. *Чтобы чёрный день для тебя наступил*.

В некоторых русских, осетинских и кабардинских пословицах *чёрный* сохраняет свое цветовое значение:

Хоть руки черны, да работа бела.

Земелька чёрная, а хлебец белый родит.

Вындырычу фЫцЫэц – чёрный как грач; черным – черно [17,26].

Щы фЫцЫэм цЫэмыхъэжын цыИэкъым – нет такого, кто не уйдет в черную землю.

Ср. осетин. *Сау-сауид* – черным-черно; *чёрный-пречёрный*.

Сау къыумбил урс къуымбилыл чъи-зийæ худти. – Чёрная шерсть смеялась над грязью белой.

В кабардинском языке прилагательное *фЫцЫэ*, в осетинском *сау* – *чёрный* – имеет следующие значения:

1) плохой – *Уздыгъей фЫцЫэ дгъэблати, вагъуэ зэрыблэкИэ тхъуэжаиц*;

осетин. *Саузæрдæ* – злобный, коварный (о человеке); букв. Чёрное сердце.

И бзэр ИэфИц, и гур фЫцЫэц; букв. У него язык сладкий, сердце черное.

2) злой – *Зи шэрэз бзаджэр блэ фЫццІэци*; букв. Злое жало у черной змеи;

осетин. *Сау калм* – о коварном, лживом и неискреннем человеке; букв. Чёрная змея;

3) опасный – *Дзэ фЫццІэм хуэдэци*; букв. Как черное войско;

4) несчастливый – *Джэду фЫццІэ яку дэжацц*; букв. Черная кошка между ними пробежала.

Заметим, что перечисленные значения в осетинском языке чаще всего концентрируются вокруг лексемы «фЫд»: *фЫдæвзаг* «злобный, язвительный», ср. *фЫд æвзаг хох халы* злой язык горы разрушает; *фЫдæмбæлæг* человек, встреча с которым приносит несчастье; *фЫдбойнаг* несчастливец; несчастный; проклятый; *фЫдбылыз* беда, зло, несчастье (*ФЫдбылыз лæгмæ гæппæввонгæй бады*. – букв. Несчастье к человеку с готовностью льнёт).

Но в осетинском языке наблюдаются ещё и такие значения, как: 1) равенство, равноправие – *И чёрную, и белую овцу подвешивают к перекладине за заднюю ногу*, т.е. все равны перед богом... [18, 235]; 2) угодничество: *Искæй мардыл сау дары*; букв. По чужому покойнику траур держит; 3) несогласие, разногласие: *Иу «сау» фæзæгъы, иннае* – «урс»; букв. Один «чёрный» говорит, другой – «белый»; 4) оценивать, характеризовать: *Иу сын ахæм-ухæм у, иннае та – сау*. букв. Один у них такой-сякой, а другой – чёрный (тоже не лучше); *Сау чъылдым у æви урс – найгæ-найын рабæрæг уыдзæн*. Чернозадый ли, белозадый – в бане выяснится.

Фразеологический языковой материал подтверждает наличие вышеперечисленных значений слова *фЫццІэ* – чёрный и в кабардинском языке. Так, заклятый враг – чёрный враг – *бий фЫццІэ* [17, 38].

Когда от горя человеку все уже безразлично, говорят:

И гур уфЫццІаиц; букв. Его сердце почернело. См., например: *Си гур уфЫццІаиц, зыми гукъыдæж хузиІæжкъым*; букв. Мое сердце почернело, ни к чему уже нет интереса [17, 44].

Сравнение с черными паучьими лапками – очень образное и негативное:

Бэдж фЫццІэ лъакъузу абы псори заццІеубыдэ... букв. Как чёрный паук лапками, он все охватывает... [17, 51]

Символика *чёрного* в кабардинском языке более сложна и многозначна по сравнению с символикой других цветов. С *чёрным* ассоциируются иногда такие слова, как «желанный, нужный, необходимый».

Ассоциация *чёрного* с желанным, нужным противоположна тому отрицательному символическому смыслу, с которым чаще всего соотносится *чёрный* в цветовой квалификации. В данном случае значение «желанный» у *чёрного* цвета имеет аналогии в цветовой символике.

В кабардинском языке также есть прилагательное *фЫццІэ* – чёрный с положительной семантикой:

ЩІалэ фЫццІэ нэкІуфІэ, ахъшэ фЫццІэ гуфІакІэ; букв. Чёрный парень с приятным лицом, черные деньги – за пазухой;

И фэр фЫццІэ шхъэкІэ, и кІуэццІыр дагъэци; букв. Хоть кожа черная, внутри – масло.

Ср. также в осетин.: *саурагсугъд* красавица (букв. чёрная красавица); *сау лæппу* в значении «молодец» (букв. чёрный мальчик); *саучызг* смуглая девушка (букв. чёрная девушка); *сау багæны урс фынк калгæ дзæбидыртты...* – в турьих рогах – *чёрное* пиво, изливающее *белую* пену...

Таким образом, проведенное исследование выявило, что в анализируемых

языках отношение к белому и черному цвету в основном сходно; что противопоставленность белого и черного наблюдается при определении контрастных явлений и в русском, и в осетинском, и в кабардинском языке.

В некоторых языках лексемы *белый* и *чёрный* сохраняют свое «цветовое» значение, но чаще слова несут, соответственно, положительную и отрицательную оценку. Есть в русском языке пословицы, в которых обнаруживается отрицательное значение слова *белый* [19]. Для цветообозначения «белый» общими в языках являются компоненты значения: 1) светлый, светлее обычного; 2) привилегированный; 3) красивый.

Черный цвет, отрицание света, является символом зла, несчастья. Во фразеологизмах русского, осетинского и кабардинского языков наиболее часто семантическое сходство наблюдается у цветообозначения «чёрный». Общими здесь являются такие компоненты значения, как 1) плохой; 2) опасный; 3) злой; 4) несчастливый; неудачный.

Только в осетинском и кабардинском языках «чёрный» содержит компонент значения «красивый; бравый».

Цветовое восприятие нашло своё отражение в паремиологической, лексической и фразеологической системах языка. Ведь окружающий человека мир представлял перед ним таким многоцветным! Как уже отмечалось, многие хроматические прилагательные образованы от названий конкретных предметов с соответствующей окраской.

Лексема *красный* до XVI в. не имела современного значения. Красный цвет назывался прилагательным *червлёный*, которое стало исчезать из русского языка. Лексема *красный*, приобретя значе-

ние цвета, не утратила своих прежних значений в паремиях. Так, значение «лучший, высокого качества» проявляется во многих русских пословицах:

Жить в добре да в Красне хорошо и во сне.

Старость – не радость, не красные дни.

Хорошему делу – красная цена.

Доброго человека в красный угол сажают.

Красный в паремиях часто не обозначает цвета, он сохраняет древнее славянское значение «красивый»:

Красно поле рожью, а речь ложью.

Красное солнышко на белом свете чёрную землю греет.

Красное лето – зелёный покос.

Красно поле пишеном, а беседа умом.

Ср. также в осетинском языке: *сыгъзæрин сырх Аларды* золотой красный (прекрасный) Аларды (божество оспы); *сыгъзæрин сырх Хоры Уацилла* золотой красный (красивый) Хлебный Уацилла (божество хлеба); *сырхцæст Уастырджи* красноглазый Уастырджи. Как видим, в культовых песнях и молитвах *сырх* «красный», а также *сырхцæст* «красноглазый» служат украшающими эпитетами божеств [20, 206].

Значение «удачный, остроумный» имеет лексема *красный* в следующих паремиях:

Красное словцо не ложь.

Красна речь пословицей.

Ради красного словца не пожалеет и родного отца.

Исследователи отмечают, что эквиваленты слов, обозначающих «красный», во многих языках этимологически восходят к названию крови. В кабардино-черкесском языке это *плъыжь* (красный). Даже если это слово эксплицитно не мотивировано (*кровь* в кабар-

дино-черкесском языке – «лбы»), общая часть этих слов (*лбы*) позволяет объединить адыгов как носителей некоторой определенной концептуализации для рассматриваемой категории.

В «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» приводится следующее объяснение происхождения слова «*плбыжь*» «красный»: «Образовано от *плбы* «розовый», «красный» посредством малопродуктивного суффикса – *жь/жьбы*. Производящая основа самостоятельно не употребляется, но сравним, например, *нэКупль* (каб.) «розовощекий», ... *пшэплъ* (каб.) «заря», букв. «красное облако»... Яковлев возводит основу к *плбы* – «раскалиться» ... однако здесь налицо обратная зависимость (см. *плбы*)... Рогава вскрывает в адыгском *плбы* окаменелый классный показатель *п-(б-)* и *лбы* «кровь» [21, 12]. Тогда то же самое следует видеть и в формах родственных языков, а название крови в этих языках имеет другую огласовку.

В цветовой семантике самых различных народов *красный* соотносится с кровью.

Слово *плбыжь* «красный» связывается и с огнём:

Дэтым хуэдэу, плбыжь; букв. Как раскаленные угли, красный.

Уепльмэ, плбыжь мэхъу; букв. Посмотришь – краснеет.

Дэп жьэражьэм хуэдэу плбыжьыц; букв. Красен как пылающие угли. Заметим, что и в осетинском языке красный цвет ассоциируется с огнём. В «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» [20, 168] цвет «красный», «алый» возводится к «... иран. **suxra-*, ар. **sukra-* и содержит тот же корень **suk-*, **suč-*, который распознаётся в *sūžyn* «гореть», «жечь», *syğdæg* «чис-

тый», *ræsuğd* «красивый», *ræsiğ* «прозрачный», *sīg* «дрова». Все эти слова в идеосемантическом плане представляют дериваты «огня»...

Ср. также: *сырхзынг* раскаленный докрасна; *сырхуадул* краснощёкий, румяный; *сырх-сырхид* ярко-красный...

По В.И.Абаеву, семантическое поле «огня» включает не только такие обыденные материальные предметы, как «дрова», «топливо», но и названия различных аффектов и эмоций (русск. *горе* связано с *гореть* и т.п.). Поэтому нас не должно удивлять, что перс. *sīg*, совершенно созвучное с ос. *sīg* «дрова», означает «горе», «печаль», «скорбь» [20, 208-209].

И это объяснимо. Мистическая символика краски появилась на основе хроматических оттенков горящего огня, а огонь был символом божества, и краска, соотносящаяся с огнём, стала также символом божества. Красный цвет у индоевропейцев – символ очищения, силы и жизни; он связан со светом, с огнём, а огонь несёт тепло, в то же время «... «красота» и «чистота» не мыслились вне связи с «огнём»... [22, 72]. Понятие чистоты, прозрачности были неотделимы от огня в мировоззрении древних осетин, потому что главное место в нём занимал комплекс «небо – солнце – огонь – свет».

В дигорском диалекте осетинского языка наше внимание привлекла лексема *сурхаг* «молитвенный обряд к божеству Фонси Фэлваера, покровителю скота, которого просили даровать скоту хорошее молоко без крови. «Собственно «(молитва) ради красного (*сырх*)», т.е. крови; *surx* служит здесь эвфемизмом вместо *tog* «кровь» [20, 171].

Цветообозначение «красный» во фразеологизмах русского, осетинского

и кабардинского языков имеет несколько общих компонентов значения. Таковыми являются: 1) «красивый; прекрасный», 2) «красавый», 3) «тёплый».

В русском языке под влиянием первоначального значения слова «красный» это цветообозначение получило также целый набор компонентов значения с позитивной оценкой: 1) «радостный, счастливый», 2) «ясный, погожий», 3) «парадный, почетный», 4) «удачный, остроумный».

Эти компоненты значения не представлены в кабардинском языке.

В осетинском языке во втором значении «ясный, погожий» употребительны два древних сложных слова: *сауахсид* «утренняя заря» (из *сау* + *хсид*, т.е. утро+зарев), ср. диг. *арттивдта сауахседи сурх хара* сиял красный шёлк утренней зари [23, 47] и *изаерахсид* «вечерняя заря» (из *изаер* + *хсид*, т.е. вечер + зарев).

Ещё об одной универсалии, связанной с «видением» и лежащей в основе многих особенностей человеческого общения. Это принцип использования типичных черт окружающего мира, таких, как *синее небо; зелёная трава; жёлтое солнце*.

Семантика дальности, бесконечности, потенциально свойственная обозначению синего цвета, опирается на фразеологизированные традиционно-фольклорные эпитеты в словосочетаниях *синее море, синее небо*.

До XVIII века слово *небо* сочеталось с эпитетами, обозначающими не цвет, а свет: чистое, ясное, светлое и т.д. Цветообозначения синее, голубое, лазурное в функции эпитетов неба были впервые употреблены М.В. Ломоносовым и затем уже активно освоены русской литературой, и они стали употребляться

в пословицах, приобретая характер постоянного эпитета, свойственного фольклору. Например:

Синя юрху вороту не было.

Синий, как китайка (как кумач).

Если во многих языках в обозначении цвета «голубой», «синий» предполагается явная ассоциация между концептом данного цвета и концептом «небо», то в кабардинском языке такой ассоциации нет. Она существует в осетинском языке; ср.: *арвхуыз* «лазурь»; «голубой, лазурный», букв. *подобный небу* (*арв+хуыз* =небо+цвет, т.е. цвет неба).

Зелёный цвет – успокаивающий, это цвет зелени, растений, цвет листьев деревьев, травы. Одним из обозначений зелёного цвета в кабардинском языке является слово *удзыфэ* – цвета травы; такого цвета, как трава; ср. также в осетинском языке *каердагхуыз* – цвета травы.

Собственное цветное значение сохраняет слово в следующих русских и кабардинских пословицах:

Не нужна соловью золотая клетка, а нужна зелёная ветка.

Красное лето – зелёный покос.

Зелен как трава. Зеленой горькой полыни.

Удз цынынэр выфэм пхыкыркъым; букв. Зелёная трава через шкуру вола не проходит (о малой калорийности).

Ср. в осетин.: *Гал ма нæ фæхизы ахам цъæх кæрдагыл?! Вогу ли не пас- тись на такой зелёной траве?! [24, 128].*

Но другое, символическое, значение слова *зелёный*, отходящее уже в той или иной степени от основного значения этого прилагательного, – «еще не созревший». Отражено оно в русском и осетинском языках, но отсутствует в кабардинском:

Ах, мак, да зелен, хорош, малый, да молод.

Зелен виноград, несладок, а молод человек, некрепок.

Молодо – зелено, погулять велено.

Зелёный седому не указ.

Осетин. *Цъахæй рæгъæд*. Преждевременно созревший. Ср. также: *Цъах нæмыг* неспелое, незрелое зерно. *Цъахдæндаг* оскоми́на.

Только в осетинском языке лексема *цъах* употребляется также в значении *светлый*: *боньцъах* рассвет.

К числу ахроматических прилагательных относится и слово *серый*. Оно известно в ряде выражений, объединенных одним общим смыслом – пренебрежительным отношением к простому человеку, малоразвитому и необразованному; в паремиях осуждалось такое отношение:

Мужик сер, да ум-то у него не волк съел.

Сер мужичок, да сердит на работу.

Слово *серый* имело и значение «невзрачный, неприятный»:

Личико серо, да мой бело.

В некоторых примерах *серый* просто обозначает цвет:

Сер волк, сед волк, а все ему волчья честь.

Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.

Осетин. *Цъах мигъ* сизый туман. *Цъахой* серый. *Цъах бирæгъ* серый волк.

Для понятия *серый* в осетинском языке было старое иранское слово *хæр*-, которое сохранилось в *хæраг* «осёл», *хæрис* «ива» и в дигорском *хæра мегъæ* «серый туман» [25, 334, 421].

В кабардинском языке серый цвет редко выступает членом семантической оппозиции. Слово *шхъуэ/шъхъуэ*

имеет, кроме значения «серый», и другие значения. От этого слова образовано каб. *шъхъуэ* «отрава, яд» (ср. *шхъуэ ехъын* «ядом отравить»; *Шхъуэ зыхъ йынэ йоуэж* кто готовит яд, сам от него погибает), что связано с метафорическим отождествлением зеленой травы с ядом, отравой. (Ср. также осетин. *цъах арахъхъ* «самогон»). Сравним слова, производные от этого корня: адыг. *шхъуэ* «проказа», *шъхъуашIэ* «мошеник», *шхъуыхъэ* «козни», *шхъуагъуэ* «завистливый».

В осетинском свадебном обряде, пишет В.С.Газданова, при снятии фаты (кисей) с лица невесты *хызисæг* (сниматель фаты) произносит благопожелание: «*Фарн, фарн! Фараст лæппуйы æмæ иу цъахдæст чызг!*», т. е. невесте высказывается пожелание родить 9 мальчиков и одну голубоглазую девочку [26, 319]. Но, думается, что лексема *цъахдæст* в данном контексте означает «синюшную» девочку-нежилыца, и эта семантика мотивируется предпочтением в старину мужского потомства, что было обусловлено рядом причин, среди которых главная: только мальчики наделялись землей, которой так не хватало в горах.

Символика слова *шхъуэ/шъхъуэ* «серый», соотносимого с негативным, неприятным, проявляется в семантике *блашхъуэ/блашъхъуэ* «ядовитая змея» (букв. «серая змея», но в осетинском языке в этом значении выступает чёрный цвет – *сау калм*).

Реликты древнего состояния культуры, когда одним термином обозначалась значительная часть спектра, наблюдаются и в развитых языках, что, несомненно, обусловлено системой. Подобный цветовой «синкретизм» имеет место в ряде языков. В.И.Аба-

ев объясняет данное совмещение значений цветов в осетинском языке «... хозяйственной неактуальностью этих цветовых различий в условиях староосетинского быта» [25, 334].

В осетинском языке, как известно, одной лексемой *цъæх* обозначаются зелёный, синий, голубой и серый цвета, что, по нашему мнению, есть факт, говорящий о значительном расширении объёма семантики данного слова.

По образу жизни этногенетическим предкам осетин были свойственны «холодные» цвета, т.е. краски не предметов, а атмосферы: они уничтожают телесность и создают впечатление шири, дали, безграничности. По О.Шпенглеру, это цвета уединения, заботливости, связанности настоящего момента с прошедшим и будущим, судьбы, «имманентного предопределения Вселенной» [27, 33].

Интересными представляются и результаты сопоставления семантики цветообозначения «жёлтый» в исследуемых языках. Так, выяснилось, что в русском языке это цветообозначение содержит следующие компоненты значений: 1) азиатский, 2) продажный, бульварный.

Отличительной чертой фразеологизмов кабардинского языка является доминирующая положительная коннотация цветообозначения «жёлтый». Например: Сыщымыгъуэми дарий гъуэжь джанэ; ДжэдыкIэ кугъуэм гъуэжьщ, букв. Желтый, как яичный желток; Пастэ гъуэжьрэ лы гъэжьбарэ, букв. Паста желтая – мясо жареное. Ср.: осетин. *айчы бур* «желток»; *бур хор* «просо», букв. «жёлтый злак»; *бораæ нæл фус* «жёлтый баран».

В осетинском языке мы имеем соотнесённость мифологемы «фарн», обо-

значающей «... всё то благое, источником чего древние мыслили небо-солнце: «небесная благодать», «благополучие», «преуспевание», «благопристойность», «мир», «тишина...» [25; 421] с жёлтым цветом (*Бураæфарныг* «имя родоначальника фамилии Борæтæ из Нартовского эпоса»; *Борæтæ* «виднейшая фамилия в Нартиаде»; *БурÆртхурон* «божество огня»; *Бурхоралы* «божество хлебных злаков и урожая»). Состояние болезненной изнурённости тоже соотносится с жёлтым цветом: *Йæ цæсгом ныббурис* «Его лицо пожелтело».

Таким образом, проведенное исследование подтверждает мысль о том, что цветовые концепты определенным образом связаны с конкретными универсальными «элементами человеческого опыта»: это – день, ночь, солнце, огонь, растительность, небо и т.д. См. национальную символику Осетии, в которой приоритетны белый – красный – жёлтый цвета, восходящие к Нартовскому эпосу осетин.

Традиционная эстетика как адыгов, так и осетин редко когда допускает сочетание более трех различных цветов, и данное правило строго соблюдается в народной поэзии. Об этом прямо говорит пословица: *Делэ къуэлэн и цIасэци* – Что пестро, то дураку и красно [17; 26, 38, 44, 51].

О кричащей одежде у осетин говорят: *каеркаæ-маркаæ* «пёстрый, расцвеченный, яркий»; *хъулон-мулон* «пёстрый, расцвеченный».

Как известно, в отношении европейской традиции обнаруживается определенная системность денотативных смыслов слов-цветообозначений: наиболее значимым оказывается белый, а за ним – чёрный, красный.

С типологической точки зрения показательно, что в цветовой символике доминирующим, наиболее значимым, является также белый, а далее – черный, красный цвета.

Цветовые обозначения в русском языке характеризуются более высокой семантической активностью, чем кабардинском и осетинском.

Наиболее активными являются абстрактные цветовые обозначения. Выявилось также, что в семантическом содержании исследуемых языков черты различий превалируют над чертами сходств. Наибольшее сходство в значениях имеют

цветовые обозначения «чёрный» и «белый». Анализ иллюстративного материала обнаружил, что цветовая символика живёт в индивидуальном и коллективном бессознательном как одна из самых ярких, животворных и универсальных кодов, что она занимает важное место в традиционной культуре любого народа. Цветовая символика относится к категории фундаментальных культурных символов, и её изучение актуально тем, что именно в важнейших символах выражается национальная картина мира, система наиболее общих миропредставлений носителей языков.

1. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1996. С.148.
2. *Хубецова З.Р.* Осетинские клятвенные формулы // Вопросы осетинского языкознания. Т.32. Орджоникидзе, 1977. С.69.
3. *Исаев М.И.* Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964. С.44 –45.
4. *Ирон-уырыссаг дзырдурат / Осетинско-русский словарь // Ред. А. М. Касаев. Владикавказ, 1993.*
5. Введение в культурологию. М., 1995. С. 57 –58.
6. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. М., 1993. С.59.
7. *Берлин Б., Кей П.* Базовая цветовая терминология// Berlin, B& Kay, P. Basic Colour Terms: their Universality and Evolution, University of California Press, Berkeley, 1969.
8. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С.232.
9. *Бижева З.Х.* Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. С.22.
10. *Миллер – Будницкая Р.З.* Символика цвета и синэстетизм в поэзии на основе лирики А.Блока // Изв. Крымпединститута им. М.Фрунзе. Симферополь, 1930. Т.3.
11. *Гегель.* Сочинения. Т.12. М., 1938. С.14.
12. *Нигер.* Уацмысты æххæст æмбырдгонд. Æмдзæвгæтæ. Цæгат Ирыстони чиныгуадзæн, 1966. Фыццаг том.
13. *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета. М., 2001. С.441.
14. Адыгэ псалъæжъхэр // Составители А. Гукемух, З. Кардангушев. Нальчик, 1994.

15. Адыгэбзэ псалъалъэ / Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999.
16. Ирон æмбисæндтæ / Осетинские пословицы и поговорки // Сост. К.Ц.Гутиев. Орджоникидзе, 1976.
17. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик, 1968. С.26; 38; 44; 51.
18. Баранов А.Н. Терская коловерть. Роман. Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 235.
19. Даль В. Пословицы русского народа. В 3 т. М., 1994.
20. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т.3. С. 209; 168; 208; 209; 171.
21. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1977. Т.2. С.12.
22. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С.72.
23. Тетцойти Таймураз. Мæ рæстзæрдæ æууæнкæ. Орджоникидзе, 1974. С.47.
24. Хетагуров Коста. Полн. собр. соч. в 5-ти томах. Т.1. Владикавказ, 1999. С.128.
25. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т.1. С. 334; 421.
26. Газданова В.С. Золотой дождь: Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2007. С. 319.
27. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. М., 1923. С.33.